

ВАСИЛИЙ
МИЩЕНКО-БОРОВСКОЙ

Наша жизнь —
ЭТО СОЛО...

СБОРНИК

**Василий Михайлович Мищенко-
Боровской
Наша жизнь – это
соло... Сборник**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48630194

ISBN 9785005077172

Аннотация

Наша жизнь – это соло. Как исполнить его виртуозно, без фальши? Ты пытаешься играть, а вокруг полно тех, кто мешает. Они хватают за руки, толкают в спину, жмут на клавиши. В результате вместо мелодии звучит какофония. Значит, одного желания и таланта недостаточно. К таланту должны прилагаться крепкие кулаки, железная воля и в то же время – широта души. Вот тогда из соло наверняка получится настоящий шедевр. Таков лейтмотив большинства произведений, вошедших в новый сборник автора.

Содержание

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЗАЙЦА	5
лава 1 Мишка Лысков	6
Глава 2 Студенческий отряд проводников	19
Глава 3 Командир СОП Царёв	35
Глава 4 Мурманск	51
Глава 5 Капитан Гусев	67
Глава 6 Вадик Стапфаев	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Наша жизнь – это соло...

Сборник

**Василий Михайлович
Мищенко-Боровской**

© Василий Михайлович Мищенко-Боровской, 2019

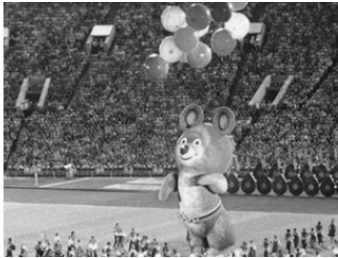
ISBN 978-5-0050-7717-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЗАЙЦА

Повесть

*60-летию студенческих
строительных отрядов посвящается*

На трибунах становится тише...

лава 1 Мишка Лысков

Дополнительный пассажирский поезд №344 сообщением «Москва – Мурманск» прибыл в пункт назначения почти вовремя, около шести часов утра. Состав, замедляя ход, втягивался на станцию в узкий проход между «товарняком» и первой платформой. На выходном светофоре за мостом, перекинувшимся от перрона к вокзалу, горел красный. Шумно хлынул воздух из магистрали, тягуче занули, завздыхали тормоза, стопоря на рельсах многотонную махину.

Проводник девятого плацкартного вагона Мишка Лысков, набросив на плечи форменную студенческую куртку со многими нашивками, эмблемами и значками, открыл дверь «рабочего» тамбура, протёр поручни тряпочкой и вышел на платформу. Встречающих было немного. Сонные

пассажиры с чемоданами, сумками, рюкзаками потянулись к выходу. Люди разные и отношение к стоявшему у двери студенту, который в течение тридцати шести часов пути являлся для них в вагоне самым главным и самым ответственным, было тоже неодинаковым. Одни улыбались, проходя мимо, другие пожимали руку, кто-то благодарил. А кое-кто, как вон тот рыжий экземпляр, морду отвернул. Хорошо запомнил его Лысков. Всё время брюзжал, сидел в отсеке с таким видом, будто пожизненное заключение отбывал. Две весёлые девчонки, Вика и Соня, которые ехали от Кондопоги вместе с этим козлевичем, прощаясь, оставили листок с номерами телефонов.

– Спасибо огромное, Миша! Нам было очень интересно, не заметили даже, как домой приехали. Счастливого тебе обратного пути!

– И вам спасибо, девчонки, за компанию. Если надумаете куда-нибудь ехать, а билетов не будет, обращайтесь.

Подружки легко взбежали на мост, обернулись и помахали Мишке, пальцами показывая, чтобы позвонил. Совсем молоденькие, наивные и доверчивые. От брюзги соседа сбежали, почти всю дорогу находились в Мишкином купе, помогали чай разносить, мыли посуду

В соседнем вагоне дверь не открылась: «напарник» Лыскова, Вадик Стапфаев, похоже, опять проспал. Костеря нерадивого компаньона, Мишка перебежал по его вагону в рабочий тамбур. Толпившиеся там раздраженные пассажиры

с криками набросились на студента:

– Что же это у вас за бардак такой? Ни белья, ни чая, грязь везде, проводника вообще не видели!

– Да он пьяный весь рейс был, сейчас спит у себя в купе, как сурок.

– Надо было к начальнику поезда сходить пожаловаться.

– Мне мой билет нужен.

Лысков, привыкший к частому недовольству пассажиров, быстро погасил назревающий скандал. Открывая «секретку» входной двери и остальные замки, раздавая билеты, он многократно извинялся, не забывая рассказывать о трудностях: старых вагонах, дефиците белья, нехватке кадров. И пассажиры понимали. Наши люди, вообще, готовы всё понять и всё простить. Мишка растолкал дрыхнувшего Стапфаева, а также третьего проводника в их «связке» – три студента на два вагона – Алексея Чумаченко.

– Ну, вы даёте, раздолбаи! Я что, один за всех должен пахать?

– А мы где? – Вадик никак не мог продрать глаза, Чумаченко пытался накрыть голову подушкой.

– Конечная станция, Мурманск. Вставайте, придурки, скоро планёрка начнётся.

От моста по перрону, взглядываясь в номера вагонов, трусцой бежал дядька в синем спортивном костюме. Наткнувшись в тамбуре на Лыскова, он, зорко взглядываясь в проводника, настороженно спросил:

– Командир, это девятый вагон?

– Девятый, – Мишка кивнул на табличку с номером в окне.

– Запутался совсем, у локомотива семнадцатый номер почему-то.

– Так нумерация с «хвоста». А когда обратно поедем, отсчёт будет с «головы».

– Я спросить хотел, – мужик понизил голос и оглянулся,

– посылку в Москве для меня не передавали?

– Вы – Сергей? – Мишка вспомнил двух женщин, слёзно просивших его передать картонную коробку, замотанную синей изолентой и шпагатом для некоего Сергея в Мурманске и заплативших «трояк».

– Да, да, Сергей. Сергей Иванович Алымов! – радостно закивал дядька.

– Посылку передавали. Хотя, конечно, это не положено. Сейчас вынесу.

Лысков достал из рундука коробку и передал её счастливому адресату. Сергей Иванович протянул студенту рублёвую бумажку.

– Спасибо, командир!

– Обращайтесь, если что.

Вот и еще один рейс, чуть ли не две тысячи километров, почти сорок часов в пути. И пассажиры, пассажиры, пассажиры. Сколько же их было с начала сезона работы в студенческом отряде проводников... Люди постоянно куда-то едут:

по делам, на отдых, в гости к друзьям и родственникам. Летом – пик перевозок, транспорта и обслуживающего персонала не хватает. Потому-то и формируются из всяческого хлама дополнительные составы, набираются наспех обученные студенты вузов в качестве проводников вагонов. И надо сказать, попасть туда очень не просто. Попадают, как правило, комсомольские активисты, студенты, не щадящие себя на общественной работе, а также имеющие приятельские отношения с назначаемыми командирами и комиссарами СО-Пов. Но и это ещё не всё. Требуется пройти двухмесячное обучение в резерве проводников, сдать экзамены, а затем получить заключение медкомиссии. Экзамены, обычно, сдают все, предварительно сбросившись на презент преподавателям. Чтобы пройти медкомиссию, требуется тоже определенная ловкость рук. К примеру, Лыскову, имевшему неважное зрение, пришлось посылать к окулисту вместо себя «зоркого сокола» однокурсника Мотина. Сильно озадачил психиатр, странноватый дедок, к которому Мишка явился сам. Поговорив о том, о сём, он вдруг неожиданно спросил, пристально вглядываясь в Лыскова поверх очков: «Собаку съел, да хвостом подавился. Что это значит?». Лысков стал путано отвечать, мол, если делаешь что-то большое и важное, то обязательно кто-то вставит тебе палку в колёса, а ты на этом и споткнёшься. Не дослушав, старичок ещё ближе придвинулся к Мишке и, глядя ему в самые зрачки, задал новый курчявый вопрос: «Горбатого могила исправит, а упрямого –

дубина?». Короче, проверка на вменяемость. Но это всё мелочи. Овчинка выделки стоит. Поскольку имеется немалый стимул покататься хотя бы один сезон «на паровозе» или, на студенческом языке, съездить «на целину». Это, прежде всего, зарплата. Триста рэ в месяц на дороге не валяются. Для впечатлительных натур – романтика. Пожалуйста, тут ее хоть отбавляй. И, наконец, самое главное – дополнительный заработок. У особо ловких и хватких он доходит иногда до полутора тысяч за сезон. Сорок стипендий за два месяца.

Однако и вкалывать приходится, мама не горюй. Кадровые проводники, обычно, работают по двое на вагон. Студенты – трое на два вагона, иногда по одному, а случается поработать и «полупроводником». То есть, один на два вагона. Да и график работы убойный: по четыре-пять рейсов подряд. Питаешься, как правило, всухомятку, чем попало, спишь пару часов в сутки. И постоянный мандраж, а вдруг прихватят на чём-нибудь. Попасться можно на чём угодно: с «зайцами», на продаже водки, на манипуляциях с бельём, или же, не приведи господи, случится по твоей вине ЧП. От такой работы запросто можно копыта отбросить. Но ничего, все живы-здоровы, и пока ещё никто не окочурился.

Мишка проводил глазами пассажиров, поднимавшихся по лестнице на мост, и пошел в вагон. Этот момент он всегда переживал особенно остро. На мгновение навалилась необъяснимая тоска. Ещё пять минут назад здесь неспешно текла своя особенная жизнь, которая объединяла его с пятью де-

сятками абсолютно чужих и разных людей. За время рейса все его пассажиры делались своими, и он для них тоже становился своим парнем. Это всегда большой плюс. Сердобольные люди и накормят и напоят. Опять же, «зайца» помогут спрятать, если вдруг нагрянет какой-нибудь неадекватный ревизор «внезапник». Изнывающие от безделья мужики помогают топить титан, часто бегают на станциях добывать для него топливо. Волокут в вагон всё, что попадает под руку и что плохо лежит. Доски, куски фанеры, ящики, мебель всякую. Однажды двое пацанов приволокли двухметровое бревно. Мишка попросил у своего «длинного зайца», плотника из Пояконды, ехавшего на заработки, ножовку и пилил бревнышко в тамбуре часа три, потом колол чурбаки. Зато дров хватило надолго. И вот все эти люди, прибыв на конечную станцию, торопливо покидают временное жилище, а он остаётся один в пустом вагоне. Да, грустноватая картина...

Состав дернулся, локомотив потащил его на запасные пути. Итак, обратный рейс в четыре часа дня, а впереди уйма дел. Сначала надо «подбить» выручку, хотя чего там «подбивать» – рейс оказался не очень прибыльный. Был один «зайчишка», короткий, ехал от Клина до Петрозаводска. Водку и вино никто не покупал. Лежат вон в рундуке все восемь бутылок, купленных в Москве. Четыре бутылки водки «коленвал» по 3.62, две «Русской» по 4.62, две бутылки «бормотухи» по 0.97 копеек и два «пузыря» портвейна «три топора» по 2 рубля 30 копеек. Для разного, так сказать, кли-

ента. Бывали, конечно, рейсы удачные, когда всю «продукцию» удавалось сбыть по цене в два раза выше магазинной, а иногда и того более.

Стеклотары за весь рейс набралось всего десяток бутылок. Если и на обратной дороге будет так же, то и сдавать нечего. А ведь это тоже приличная статья дохода. Проводнику и нужно всего лишь собрать пустые бутылки и сложить в рундук. В Москве придут перекупщики и заберут по 8 копеек за штуку. А сами сдадут по 10 копеек при цене 12. Разница 2 копейки, но при большом количестве, да с каждого рейса..., вот она бухгалтерия. И при этом, всем хорошо. Мишка знал, что на территории депо есть хибарка, в которой сидит «бутылочный король» Гурген, мужик лет сорока, то ли армянин, то ли азербайджанец. Вот он всем этим «бизнесом» и заправляет. А задействовано здесь несколько бригад перекупщиков, человек по десять в каждой. И народ вполне приличный, не пьянь какая-нибудь вокзальная, многие даже с высшим образованием. Ну а что оно, это высшее образование даёт, сто рублей инженерного оклада в месяц? А здесь побегаешь по составам и можешь этот «стольник» за пару дней заработать. Мишка удивлялся: почему государство не может сделать ту же самую работу? Но у государства почему-то всегда чего-нибудь не хватает. То тары, то людей, то техники. А у Гургена всё имеется, и всё работает, как часы. И сам Гурген сидит себе на телефоне, ведёт бухгалтерию, смотрит по неммыслимо дефицитному японскому цветному

телевизору, какие события происходят в окружающем мире.

Чай пили мало. Тоже в минусе пока. Выданные пачка сахара и пачка чая, за которые надо сдать деньги после рейса, еще не израсходованы. А купленные на свои кровные по две запасных пачки «рафинада» и грузинского чая остались пока вообще не распечатанными.

Опять же, с бельём промашка вышла. Грузчики забросили перед самым отправлением в вагон всего два мешка белья. В мешке – 20 комплектов. Всё влажное. Прачечные не успевают стирать и сушить. Комплект – 2 простыни, полотенце и наволочка. И что прикажете с ними делать, когда в его «бичевозе» 54 места? Если предположить, что в Москве сели 50 человек с билетами до самого Мурманска, уже на всех белья не хватит. А с чем ехать обратно? А ведь их поезд даже не «скорый», он останавливается у каждого столба. Пассажиров бывает больше сотни только в одну сторону. И многие с претензиями. Приходится, по совету бывалых кадровых проводников, мастрячить «китайки». А проще говоря, производить вторичный застил белья. За один комплект ты обязан вернуть в кассу резерва один рубль. Столько, сколько он и стоит. А если ты предложил один комплект два раза, то рубль кладешь себе в карман. Ну, конечно, перед этим следует тщательно отобрать бельё и скомпоновать нужные комплекты. Слишком скомканные и грязные причиндалы в дело не идут. Бывает, человек взял комплект, а почему-то не пользовался или же застилал только одну простыню и наволоч-

ку, а умываться и вовсе не ходил. Слегка мятое бельё проглаживается утюжком. Хозяйственный проводник всегда берёт его с собой в рейс. Лысков подобные трюки не очень любил и придумал собственный способ хотя бы частичного решения проблемы. После отправления поезда, собирая билеты, он с удрученным видом и извиняющимся тоном объяснял пассажирам ситуацию, мол, вас много, а белья мало. Выход напрашивается сам собой: комплекты можно разделить пополам. Кому-то достаётся простыня и наволочка, кому-то простыня с полотенцем. Люди всё понимали, «входили в положение» и соглашались. При этом, за каждую «половину» платили рубль. Хотя бывали несознательные и не согласные. Они устраивали скандалы, ходили к начальнику поезда, а что тот может сделать, отдать свой личный комплект белья?

В этом незадавшемся рейсе пассажиры в большинстве оказались несознательными. Пришлось все комплекты раздать сразу же после отправления из Москвы. Значит сейчас нужно срочно, пока не пошел с обходом командир СОПа Сая Царёв, засучить рукава и приготовить хотя бы десяток «китаек». Царёв еще в первом рейсе предупредил всех: вторичный застил белья – дело подсудное, поэтому в случае поимки того, кто этим занимается, изгнание из отряда будет производиться мгновенно и беспощадно.

Невеселые Мишкины мысли прервал стук во входную дверь. Внизу между путей у вагона стоял страждущий человек с опухшим лицом и трясущимися руками. «Наш кли-

ент», сразу определил Лысков.

– Командир, есть? – «клиент» показал рукой условный знак.

– Три рубля имеется?

«Клиент» разжал ладонь. В ней лежала скомканная трешка. Лысков передал ему бутылку «Флодово-ягодного». Мужик с благоговением её принял, тут же сорвал пробку и стал пить прямо из горла. Ополовинив бутылку, он шумно выдохнул, блаженно закрыл глаза и стоял, чутко прислушиваясь к тому, что происходило у него внутри. Очевидно, взбодрившийся и повеселевший организм подал какой-то знак, мужик открыл глаза, вполне осмысленно взглянул вверх на Лыскова, стоявшего в дверях и сказал:

– Спасибо, командир, не дал помереть.

– Да ладно. Приходи, если что.

Спустя некоторое время подошли еще двое. Они купили два «коленвала» по семь рублей за бутылку. А что делать? Действительно, когда «горят трубы», а гастроном открывается только в 11.00, можно и в ящик сыграть. Никаких денег не жалко.

Настроение улучшилось. Ну вот, жизнь налаживается, хоть какой-то навар. Теперь можно приступать и к уборке вагона. Самое отвратительное – это приведение в божеский вид сортиров. Они бывают так загажены, что хоть противогаз с собой вози, воротит от одного вида и запаха. Дабы немного облегчить себе жизнь, студенты закрывают один туалет

на замок, вешая объявление «Туалет не работает по техническим причинам». Очень удобно. И свой собственный клозет имеется и работы по уборке меньше. А недовольным пассажирам всегда можно навешать на уши лапшу. Мол, нет воды, или унитаза с раковиной сломались. Лысков старался этого не делать, как-то неловко чувствовал себя перед «своими» пассажирами, стоявшими по часу в очереди в туалет. С вагоном проще. Пересчитал и забросил матрацы с подушками на верхние полки, слегка подмёл, отнес и выбросил мусор в специальные баки. Считать имущество нужно обязательно, потому как воруют всё подряд. Ну, а правильнее, зорко всматриваться в выходящих пассажиров, чтобы вовремя обнаружить и вернуть украденные вещи. Особенно, когда этими пассажирами являются цыгане. Какая-нибудь худющая чумазая карга обмотает себя матрацем под юбкой и идет на выход, как ни в чём не бывало. Или же молодая цыганка садится в вагон плоская, как доска, а выходит «беременная», подложив на живот подушку или одеяло. А иногда и то и другое. Прозеваешь вора – никаких заработанных денег потом не хватит расплатиться за пропажу. Чаще всего приходится раскошелиться за недостающие ложечки, стаканы, подстаканники и бельё. «Отстёгивать» также нужно угольщикам за дефицитные торфяные брикеты для топки титана. Столярам за ремонт столиков, полок, дверей. В конце прошлого рейса забыл снять фризку – маршрутную доску с вагона перед отправкой на «помойку». А там её под «душем» мохна-

тым барабаном сорвало. Что делать, заплатил тётке мойщице пять рублей за то, чтобы вернула. Недавно кто-то спёр кочергу. Попросил своего ПЭМа, тот за рубль принёс железяку, скорее всего тоже умыкнул где-то. А как без кочерги, не будешь же в поддувало титана голой рукой залезать. Но это всё так, мелочёвка. Вон у Марицы Гогошану в первом рейсе мешок с бельём куда-то делся. Пришлось платить. Железная дорога частично возместила, но всё равно немалые деньги.

Работать Мишка любил больше в плацкартных вагонах, чем в «купаках». Здесь всё на виду: и вещи и люди. Опять же навара больше, и воруют меньше, и люди проще. Всякие остряки называют плацкарт «быдловозом», двумя сортирами, соединёнными одним коридором, а место проводника в «служебке» – «электростулом». Плевать. Главное, Мишке всё это нравилось

Закончив уборку и выпив стакан горячего чая с печеньем, Лысков отправился в штабной вагон на планёрку.

Глава 2 Студенческий отряд проводников

Планёрку командир СОП Саня Царёв проводил в конце каждого рейса. Делал это он быстро и всегда, если не случилось чего-нибудь чрезвычайного, по одному и тому же сценарию. Сначала «разбор полётов», замечания, жалобы и благодарности пассажиров, сообщения (если такие имеются) из городского штаба о происшествиях на линиях, информация от комиссара и от «сандвойки», то есть, отрядных санитарных инспекторов.

Сегодня досталось Вадику Стапфаеву, которого институтский «картофельный папа» Райзенберг ненавязчиво, но неизменно называл Задпхаевым. То ли по ошибке, то ли шутил так. Впрочем, чихвостила его Саня почти на каждой

планёрке, ибо Вадик категорически не выполнял свои обязанности и нарушал многие инструкции. Вагон достался ему, как и большинству бойцов отряда, в плачевном состоянии. И где искать крайнего, если дополнительные поезда собирают из вагонов, не один сезон зимовавших в отстое, непонятно. У Стапфаева постоянно что-то ломалось: двери, столики, полки, фиксаторы. Откуда-то подтекала вода. Большинство окон не открывалось, а некоторые открывались во время движения сами по себе. Часто срабатывал датчик контроля нагрева букс. По инструкции проводник в этом случае обязан останавливать состав стоп-краном. Поначалу Вадик так и делал. В первом же рейсе на перегоне «Калинин – Калашниково» два раза экстренно тормозил состав. ПЭМ – поездной электромеханик – прибежал и обкладывал Стапфаева трехэтажным матом. После этого при срабатывании сигнализации тот бил кулаком по щиту до тех пор, пока лампочка и звонок не отключались. Вскоре Вадик к работе охладдел. Вагон и туалеты не убирал. Лишь по окончании рейса находил какую-нибудь тётку, и та за рубль делала уборку. На двери вешал листок бумаги, где красовалось: «У НАС САМООБСЛУЖИВАНИЕ» и «КИПЯТОК В СОСЕДНЕМ ВАГОНЕ». Вообще, совершенно непонятно, зачем он пошел в СОП. В столице от него всегда пахло хорошо устроенной, вкусной жизнью. Здесь, в основном, сивухой. Родители, работники МИДа, не вылезали из-за границы. Вадик жил с бабкой в ее трехкомнатной квартире в Гагаринском переулке.

ке, хотя у него была и своя «двушка» на Остоженке. Частенько студенты собирались у Стапфаева попить пива или чего покрепче. Из окна наблюдался бассейн «Москва», куда они, «приняв на грудь», заваливались иногда всей гурьбой поплавать. Возможно, Вадику в обеспеченной и сытой повседневности было скучно и не хватало драйва. А может быть, это был некий жест безрассудства перспективного мальчика-мажора, мол, я и на такое способен. Во всяком случае, целью его работы в СОПе не являлось банальное стремление заработать денег на жизнь.

Вадик был однокурсником Царёва. На одном курсе учились также Аллаберды Чефанов, Боря Рубинчик, Усик Ашахмарян и все девчонки отряда. Лысков и Чумаченко поступили в институт на год позже. Павло Клапиюк, Пашка Кульков и чеченец Ваха Берсанов попали в СОП с факультета культпросветработы. Многих из своих бойцов Саня знал по совместной работе в совхозе «на картошке» и, в целом, мог поручиться за каждого. Все члены отряда, кроме Стапфаева и Рубинчика, были иногородними и проживали в общежитии.

Особняком в списке стоял Лёва Скоров. Личность неординарная, интересная, но с сюрпризом. Лёвка был значительно старше остальных и жил в подмосковных Луховицах. Получить высшее образование он пытался уже много лет. Сначала на дневном отделении, с которого его выперли за систематическое пьянство. В настоящее время он учил-

ся на заочном отделении. Два раза в год Лёвка приезжал на сессии, и Саня селил его в общежитии. Экзамены Скоров сдавал блестяще, а во время перерывов они с Царёвым ездили в Москву, много беседовали и спорили. Лёва серьёзно разбирался в литературе, политике, хорошо знал три языка: английский, немецкий и испанский. Гуляя у гостиниц «Россия» и «Москва» он частенько подолгу общался с иностранцами. После сессии начинался запой, который длился пару недель. Скоров приходил к Царёву с бутылкой водки и «Тарасом Бульбой» под мышкой. Выпив полстакана и не закусывая, он начал читать наизусть целые куски текста классика. Подняв кулак вверх, он говорил с надрывом, пристально вглядываясь в Саню:

– Нет, ты послушай: «И отыскался след Тарасов. Сто двадцать тысяч казацкого войска показалось на границах Украины. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет. Поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа!» Чуешь, Саня, каково, а? Поднялась вся нация!»

Спустя несколько дней, когда Лёвка доходил «до кондиции», Царёв отвозил его домой в Луховицы. Скрепя сердце и вопреки всем правилам, в отряд он Скорова взял. С одной стороны, было жалко неплохого, в общем-то, мужика, predisposed к такой распространённой скверной болезни. С другой – боязно: что делать, если «накроет» запой во время рабочего сезона?

Чеченец Ваха Берсанов, смуглый крепыш невысокого роста с перебитым и съехавшим набекрень носом, был членом оперотряда общаги, созданного Саней ещё на первом курсе, когда его избрали председателем студсовета. Бардак в общежитии царил тогда жуткий. Местное хулиганье ходило сюда, будто к себе домой. Однажды увидев, как чернявый мускулистый парень уложил троих местных вдоль плитуса, Царёв пригласил «бойца» к себе в комнату, дабы познакомиться. Это оказался студент театрального отделения КПП из Чечни Герихан Завгаев. Саня сделал предложение, от которого тот не захотел отказаться. Суть его состояла в том, чтобы студент-театрал возглавил оперотряд общаги. Точнее, сначала создал, а потом возглавил. Взамен Царёв предложил комнату в своём общежитии. Герихан, снимавший квартиру за немалые деньги, поставил встречное условие: он поселится не один, а со своими братьями. Впоследствии оказалось, что трое чеченцев вовсе никакие не родственники. А называл их Герихан братьями, потому что все чеченцы и есть братья. Одним из них был Ваха Берсанов. Ход оказался удачным: чеченцы навели порядок в общегаге за месяц. В начале января Герихан попросил Царёва записать Ваху в отряд проводников, сразу, как только началось его формирование. Саня, не раздумывая, внёс Берсанова в список для утверждения комитетом комсомола.

Боря Рубинчик, получивший от Райзенберга «погоняло» Рубчик, отправился в СОП исключительно из-за Ритки Тет-

черовой. Ни для кого не было секретом, что Боря «сох» по Марго с первого курса. Ухаживал за ней изо всех сил. Театры, кино, цветы, дорогие подарки. Всё, как положено. Даже домой однажды пригласил. Мама Рубинчика сразу раскусила «не московскую» Риткину сущность и на следующий день задала сыну вполне резонный вопрос: «И зачем это ты, Боря, приводил-таки её в наш дом?» Боря, как две капли воды, похожий на Иисуса, всё понял, домой Тетчерову больше не приглашал. Но сердцу ведь не прикажешь, и он в свободное от фарцовки время продолжал ходить за ней тенью. В конце 70-х, когда наступил пик эмиграции, начали уезжать знакомые и соседи, а евреи стали поднимать головы всё выше, мама Бори задала ему абсолютно резонный вопрос: «И почему, Боря, нам не подумать-таки, наконец, о том, чтобы отъехать на историческую Родину?». Рубинчик приводил веские доводы в пользу того, чтобы остаться. И в СОП, несмотря на энергичные протесты мамы, он записался потому, что туда отправилась взбалмошная Ритка. Впрочем, ей на чувства Бори, по всей видимости, было наплевать. Она слыла девушкой любвеобильной, свободных нравов и при всякой возможности не только флиртвала, но могла позволить себе и гораздо больше. Иногда Рубинчик в порыве откровенности жаловался на Ритку приятелю Яше Куриловичу.

– Шо поделаешь, Боря, красота требует жертв, – философски разводил руками Яша.

– Красота требует денег, – угрюмо заключал Боря.

Несчастный Рубинчик страдал, маета породила острую неудовлетворённость. А это стимулировало активную деятельность в другой области. Боре в институте и далеко за его пределами не было равных по части добывания дефицита. Он мог «достать» что угодно. От авторучки и «самиздата» до автомобиля «Москвич». Вполне возможно, это было разновидностью сублимации. Очевидно, Рубинчик перенаправлял эротическую энергию на достижение социально приемлемых и значимых для него целей. В его лексиконе изобиловали малопонятные для обывателя слова: «гринь», «лаве», «бундеса», «бритиша», «фирма». Конечно, для общества в силу царившего дефицита, такой человек являлся полезным, но лично был всё же симпатичным не очень и не для всех.

Ритку, сразу после избрания Маргарет Тэтчер премьер-министром Великобритании, на факультете стали называть Тэтчером. Хотя она, конечно же, мало чем походила на английскую «железную леди». Разве что происхождением и грандиозностью жизненных планов. Но знаменитая англичанка сделала себя сама. Ритка же зорко выискивала в окружающем её пространстве тех, кто мог бы подставить плечо для опоры или шею, на которую можно прочно и комфортно усесться. Ведь ни для кого не секрет, что у женских прелестей, как у кефира, срок годности недолгий. Именно поэтому нужно поторапливаться. Борю Рубинчика она рассматри-

вала исключительно как вагон, который должен перевезти её из неприглядного серого настоящего в светлое и счастливое будущее.

У туркмена Аллаберды Чефанова на третьем курсе возникли серьёзные проблемы. Он неожиданно и скоропалительно влюбился. С одной стороны, такую ситуацию можно бы было считать большим везением. Но девушку звали Олеся, и родом она была из Житомира. Во весь двухметровый Аликов рост стал вопрос выбора: давно подобранная ашхабадская малолетняя невеста Джемиле и добросердечные отношения со всей своей многочисленной именитой роднёй или прелести бойкой гарной хохлушки. В конце концов, хохлушка победила, и Алик вместо летних каникул на юге страны, в солнечной Туркмении, отправился в противоположную сторону зарабатывать гроши на железной дороге в составе отряда проводников. Семью надо было как-то содержать. Родственники отказались признавать этот сумасбродный брак, и Аллаберды разделил участь своего земляка Кеймира, который вообще женился на цыганке. По этой причине возвращение в Туркмению ему было заказано. Царёв поселил молодожёнов в крошечной пятиметровой комнатухе. Раньше такие закутки имелись на каждом этаже и назывались они гигиеническими комнатами. Но позже из-за нехватки жилого фонда по заявке Царёва и вследствие согласования с проректором Скарвойтовым пришли рабочие, убрали биде, сделали косметический ремонт. Потом в этих

комнатах стали селить семейные студенческие пары. Кеймир и цыганка Земфира были безмерно счастливы, в результате чего родился маленький Русланчик. Ребёнок был удивительно спокойным. Никто в общаге никогда не слышал детского плача. Зато частенько коляску, в которой спал пацан, видели под памятником Ленину рядом с входом в институт. Земфира, отправляясь на лекции, оставляла ребёнка на свежем воздухе. Причём в любое время года. Кеймир в поте лица трудился в овощном магазине, подрабатывая грузчиком. Алик с Олесей пока никого не родили, но проблем хватало и без ребёнка. Чефанову приходилось теперь их каким-то образом решать. Всё чаще весёлого и общительного туркмена видели поникшим и грустным. Как-то в конце зимы Саня наткнулся на Аллаберды, стоявшего в коридоре и разглядывающего тоскливый пейзаж за окном: почерневшие сугробы снега, серые дома, тополя с мёрзлыми ветками.

– Чего загрустил, Алик? – весело спросил Царёв.

– А у нас, брат, уже, наверно, урюк зацвёл, – задумчиво предположил туркмен, и Саня понял, насколько он сейчас отсюда далеко.

Москва готовилась к Олимпиаде. Шло строительство новых объектов. Производился капитальный ремонт зданий, которые предполагалось задействовать во время грандиозного спортивного мероприятия. И надо же было такому случиться, именно их общага попала в список строений, которые предполагалось использовать для нужд будущей летней

Олимпиады, а, следовательно, подлежавших капитальному ремонту. Обычно, бойцы СОПов и внутривузовского ССО летом проживали в своих комнатах. Но сейчас, ровно за год до начала Олимпиады, сразу по окончании сессии, из общежития всех выселили. «Квартирный вопрос» нужно было как-то решать. Каждый выкручивался, как мог. Кто-то внедрил к родственникам, некоторые работали без отдыха, выходя в рейсы с другими бригадами. А куда пойдёшь, если нет крыши над головой? А в поезде всё же, какая-никакая крыша имеется. Алик с Олесей сняли комнату в Химках. Хозяйка потребовала предоплату за месяц вперёд, так что пришлось отдать всю наличность. На что жить, было непонятно. Олеся записалась во внутривузовский ССО, который как раз и занимался ремонтом общаги. Алик же направился за «длинным рублём» в Мурманск.

Работал Чефанов в «тройке» с Аней Володиной и комиссаром Ольгой Лыткиной. Аня была «красавица, спортсменка, комсомолка». Ольга – девушка резкая, решительная, с принципами твёрдыми, как железобетон. Действовал Алик по инструкциям, старался как мог, но пассажиры относились к двухметровому туркмену всё-таки с некоторым подозрением и даже слегка побаивались. Наверно, помнили нечто из истории про басмачей, а может быть, и про монголо-татарских захватчиков.

Царёв, пригрозив в очередной раз нерадивому бойцу Стапфаеву отчислением, сделал замечание Усику Ашахма-

ряну, проспавшему станцию Полярные зори. В результате пассажиры выпрыгивали, чуть ли не на ходу из соседнего вагона. Усик, также как и Стапфаев, работу любил не очень. Он заваривал для всех грузинский чай, похожий на пыль, в трехлитровой банке и бросал туда ложку соды. Заварка делалась черной, как дёготь и долго не портилась. А сам пил индийский чай «со слоником». Благодарности пассажиры писали ему редко. Но всё-таки они были. Ашахмарян заметно походил лицом на известного актёра Фрунзика Мкртчана и очень нравился женщинам, чем неоднократно пользовался. В институте тихий и невзрачный армянчик, непонятно на каком основании, пользовался славой заядлого ловеласа. Причём, объектом его внимания были женщины постарше и в теле: большегрудые и большезадые. Именно такие тётки ему попадались и в рейсах. Женщины бальзаковского возраста. Толстые, но нежные и страстные. На прощанье они писали Усику благодарности, напоминающие признания в любви.

А вот проводника 4-го купейного вагона Павла Клапиюка пассажиры «за внимание и заботу», «превосходное обслуживание» благодарили постоянно. Павло свою работу, в отличие от Владика и Ашахмаряна, любил. В ней он умел отделять большое и главное от мелкого и несущественного. Главным для него был личный интерес. А в его орбиту как бы попадали и пассажиры с их нехитрыми запросами. Клапиюк эти запросы удовлетворял, стараясь делать это наилучшим образом. В результате все были довольны. Например,

он закупал не только чай и сахар, но и кофе, лимоны, сливки, конфеты и печенье. А также дефицитное бутылочное пиво и воблу. Свои продукты и напитки он предлагал пассажирам, конечно же, по цене в два раза выше, но зато дешевле и вкуснее, чем в вагоне-ресторане. Поэтому к Павлу тянулись пассажиры со всего состава. Родом он был из Закарпатской области, дружбы в институте ни с кем не водил, но «горел» на общественной работе, являлся членом комсомольского бюро факультета и кандидатом в члены комитета комсомола.

Благодарности неизменно доставались и Жене Калитиной. Работа на железной дороге ей нравилась. Поезда она любила с детства. Каждое лето, когда ещё были живы родители, приходилось ездить к бабушке из Серпухова в Донецкую область. Женя училась с Царёвым на рабфаке, летом после первого курса они работали во внутривузовском ССО, и вот уже второй сезон трудились вместе в отряде проводников. Вагон для Калитиной был не временным пристанищем на колёсах, в котором разные люди в силу разных обстоятельств оказываются вместе. Вагон являлся домом, в котором она становилась радушной хозяйкой. Жене всегда хотелось, чтобы людям – мужчинам, женщинам, детям – здесь было уютно. Конечно, вагоны старые, мало приспособленные для комфорта. Но ведь даже в таком вагоне можно навести чистоту и порядок, а главное, установить с пассажирами контакт, создать спокойную, тёплую атмосферу. Пасса-

жиры, как правило, были вменяемые и проникались симпатией к трудолюбивой и заботливой студентке. Хотя очень часто встречались и иные. В том числе алкоголики, воры, вьедливые, всем недовольные тётки, понтовая молодёжь, «демебеля», дорвавшиеся, наконец, до вольной жизни.

Второй сезон работали в отряде Зоя Кошкина, Марица Гожану и Альгия Итымбаева. Все трое детдомовские. Девчонки крепкие, толковые, расторопные. Делили на троих два купейных вагона, второй и третий. Железнодорожные порядки хорошо усвоили, с пассажирами ладили, начальство уважали.

После Царёва, зачитавшего очередные благодарности, инициативу взяла в свои руки комиссар Ольга Лыткина, комсорг курса, высокая, сухопарая, с двумя куцыми косичками. Она озадачила студентов необходимостью срочно подготовить предложения по проведению различных конкурсов среди пассажиров, в том числе и детей, а также улучшить наглядную агитацию в своих вагонах.

Больше никакой информации не было. Далее собрали «милостыню», то есть, сбросились по три рубля для начальника поезда и командира СОП. Такие правила, ничего не поделаешь. Чтобы проводник мог спокойно «работать» и зарабатывать себе на хлеб насущный, нужно платить. Технология проста, как всё гениальное. Она отработана до мелочей, апробирована многими поколениями кадровых проводников. Ревизор тоже человек. Ему также нужно кормить себя

и семью. Поэтому он при посадке в состав не идет проверять проводников и ловить «ушастых». Он идет к начальнику поезда, потом они вместе перемещаются в вагон-ресторан. Но этим дело не заканчивается. Ревизору нужно еще дать с собой. Вот для этого и нужна финансовая подпорка. Не будет же начальник поезда оплачивать эти расходы из своего кармана. Бывают, конечно, принципиальные и неподкупные ревизоры, которые пытаются делать свое дело, как положено. Но они почему-то долго на линиях не задерживаются. Система исторгает их из себя, как желудок некачественную пищу. И едут по многочисленным железным дорогам необъятного Советского Союза в разные его концы безбилетные пассажиры. А что делать? Человеку нужно ехать, а билетов нет. Причин этого, как минимум две. Во-первых, подвижного состава, особенно летом, не хватает. Как, впрочем, и много чего другого. Во-вторых, те же проводники вносят свою лепту в создание билетного дефицита. При передаче сведений о наличии свободных мест в вагоне проводник зачастую передает меньше, чем есть. На места, не попавшие в сводку, билеты в кассах не продадут, а люди, которым не достались билеты, придут к проводнику. И поедут, отдав деньги ему. Правда, без удобств, в страхе, что их могут «вычислить» и оштрафовать или даже высадить из поезда. «Зайцев» при появлении ревизоров, хотя и имеется подстраховка от начальника поезда, прячут, на всякий случай, в туалетах, рундуках и топках, на третьих полках, гоняют из вагона в вагон,

устройвая «весёлые старты». В нашем человеке имеется много чего хорошего: смелости и смекалки, терпения и терпимости, стремления достигать своей цели, а вот достоинства маловато. Человек подходит к проводнику, мнется, не решаясь обратиться, смотрит заискивающе. Для него, получившего в кассе от ворот поворот, она или он – царь и бог, от которого зависит в данный момент возможность уехать от этой жары, сутолоки, нервотрепки, хамства, грубости и добраться, наконец, до пункта назначения. Он или она наметанным глазом определяет платежеспособность и психологическое состояние просителя и, строжайше соблюдая правила конспирации, разрешает ему, ошалевшему от невиданной удачи, пройти в вагон. Бывает, что нерешительные «зайцы» сами к вагонам не подходят. В этом случае можно добежать до касс и предложить безнадёжно толкущимся и навьюченным багажом людям в конце длинной очереди свои услуги.

Некоторый денежный фонд должен быть и у командира отряда. На случай внезапных проверок со стороны областного штаба ССО. Штабисты тоже люди. Хотя достаточно молодые, но уже начальники, причём знающие себе цену и, следовательно, с повышенными запросами. Командир должен расстараться и сделать всё возможное, чтобы штабные контролёры остались довольными. И попробуй, прояви принципиальность, сразу попадёшь в «чёрный» список. Это значит, что при последующих проверках обнаружится куча нарушений. О них станет известно не только в штабе, но и в инсти-

туте. Потом вместо грамот и иных поощрений, заклеят позором и будут склонять все, кому не лень. В результате железной дороги больше не видать, как своих ушей. Короче, быть принципиальным и портить отношения с большими и малыми начальниками из штаба себе дороже.

Глава 3 Командир СОП Царёв

За время работы на железной дороге бывало всякое, и Царёв уже ничему не удивлялся. Отставшие от поезда пассажиры и проводники. Сломанные двери, полки, столики, разбитые окна, непонятно зачем выброшенные из вагонов огнетушители. Пьяные дебоширы, картёжные шулеры и воровство. Стычки между пассажирами, проводниками и ревизорами с последующими разборками. Загаженные сортиры, блевотина в купе, тамбурах и коридорах. Случались и серьёзные ЧП. Заклинивало от перегрева буксы. Происходило возгорание электропроводки. В прошлом году перед Беломорском пропустили товарняк, а он потом столкнулся на однопутном участке с нефтеналивным составом. Стояли в Кеми боль-

ше десяти часов. После, проезжая место катастрофы, видели низко барражирующие вертолёт, чёрное дымящееся месиво из обломков сторевших вагонов, колёсных пар, цистерн, вывороченных шпал и завёрнутых в спираль рельсов. Могли бы оказаться на этом месте они. Получается, что диспетчер ненамеренно послал на смерть четверых человек вместо семи сотен. А может быть, не диспетчер, а Всевышний так распорядился. Казалось бы, в гробу видать такую работу. Но она затягивает, будто наркотик. Некоторые студенты так осваиваются, что продолжают работать и после окончания сезона. А однокурсник Славка Глинцевич вообще бросил институт и остался на «железке». Перешел на фирменный поезд «Арктика», а позже стал кататься в Хельсинки. Правда, поговаривали, что такое странное решение было как-то связано с неадекватным начальником поезда. Будто бы тот от любви к студенту совсем сбрендил. А Славка, запутавшись и потеряв ориентацию, совершенно неожиданно для себя и окружающих, в конце концов, не устоял и тоже стал не совсем адекватным, хотя ранее ни в чём таком замечен не был. Царёв, конечно же, не собирался посвятить себя целиком этой занятой профессии, в которой сконцентрирован винегрет самых различных умений и навыков. Ведь проводник в вагоне является кондуктором и охранником, психологом и официантом, механиком и уборщиком. А случается, не приведи Господи, медиком и спасателем.

После второго сезона Царёв неожиданно понял, чем при-

влекают его эти летние экспедиции по железной дороге в составе СОПа. А именно: своей сезонностью, временностью. Разухабистая, сверхнапряженная и рисковая работа «на колёсах» привносит в жизнь значительную дозу драйва. Но Саня придерживался золотого правила: всего должно быть в меру. Тем не менее, почему-то всегда после завершения трудового семестра накатывала ностальгия, особенно когда мимо платформы вдруг стремительно проносился «скорый», оглашая окрестности басовитым волнующе-призывным тифоном и разнося такой, до боли знакомый и родной горьковатый запах дымка из вагонных печек.

Царёв родился и до восемнадцати лет жил в селе, раскинувшемся вдоль железной дороги на несколько километров. В школу Саня ходил «по шпалам». С замиранием сердца провожая вихрем проносящиеся мимо поезда, он пытался представить, как там всё внутри вагонов устроено, что делают в этот момент едущие куда-то люди. Его детство было наполнено не только природными красотами, но и самыми разнообразными звуками и запахами железной дороги: пронзительными гудками паровозов, гулким перестуком колёс, запрещающими звонками переезда, каким-то волшебным букетом запахов от рельсов и шпал. Учитывая рельеф местности, поезда в некоторых местах сбрасывали скорость, и пацаны этим пользовались: забирались на ступеньки вагонов и проезжали пару километров, сокращая таким способом себе путь до школы. Случались и неприятности: сло-

манные и вывихнутые руки-ноги, разбитые носы и колени вследствие неудачных прыжков на ходу. Их участок железной дороги «вляпался» в историю тем, что когда-то, в конце прошлого века, здесь произошло крушение поезда императора Александра III. Причину тогда так и не установили. То ли террористы взорвали бомбу, то ли было допущено какое-то головотяпство. Царский поезд тащили два паровоза с превышением скорости на железнодорожном полотне, состояние которого, мягко говоря, оставляло желать лучшего. Об этом рассказывал им учитель истории и даже водил класс на место катастрофы. Саня, закрыв глаза, отчётливо увидел раскуроченный поезд, сошедшие с рельсов и валявшиеся под откосом вагоны, могучего императора, державшего крышу на своих плечах, пока выбирались из-под обломков члены царской семьи. В том числе сын, будущий и последний российский император Николай II, а также гости, завтракавшие с Александром. Позже, когда Царёв уже работал на заводе, случалось ездить в город на «пассажире», следовавшем по маршруту «Дебальцево-Харьков». Это был единственный поезд, останавливавшийся на их станции. Опоздав на свою электричку, Саня дожидался состава из Донбасса и запрыгивал на подножку вагона. Ехать приходилось в тамбуре, строгие тётки проводницы внутрь не пускали. В шестнадцать Царёв впервые самостоятельно отправился на поезде по своей железной дороге в город Жданов, а оттуда в дом отдыха на побережье Азовского моря. Спустя пять лет ему довелось

проехать полстраны, направляясь после «дембеля» в Сибирь на «стройки коммунизма», и увидеть собственными глазами из окна поезда, какая она, его страна огромная, красивая, суровая, разная. Насмотрелся Саня за трое суток и на работу проводников. Скажи ему тогда кто-нибудь, что пройдёт ещё немного времени, и он сам узнает тонкости и хитрости этой профессии, наверное, посчитал бы такого вещуна сумасшедшим.

Ровно в 9.30 Царёв планёрку закончил, предупредив бойцов о необходимости оставить на составе дежурных и явиться за час до отправления. В отличие от остальных студентов, он работал уже третий сезон. Начинал рядовым бойцом, второе лето отъездил комиссаром, а в этом году был назначен освобождённым командиром линейного отряда. «Освобождённый» – означало, что командир не работает наравне со своими бойцами, не обслуживает пассажиров, имеет собственное купе в штабном вагоне и «осуществляет общее руководство». Однако Саня этот пункт инструкции соблюдал не всегда. Случалось, что нужно было подменить кого-нибудь из заболевших студентов, бывало, что кто-то отставал от поезда или ещё по какой-либо причине деликатного свойства Царёв сам становился на вагон, с удовольствием вспоминая былое. Кое-кто из начальников поезда, с которыми Царёву довелось поработать, иногда тоже нарушали собственную должностную инструкцию, доверяя ему «поручить» составом вследствие различных обстоятельств. Хотя

в подобных случаях начальник должен передавать руководство своему электромеханику.

Капитальный преодолительский ремонт в общежитии нынешним летом выбил из колеи, и «квартирный вопрос» стал большой проблемой. Она разрешилась совершенно случайно. Царёва приютил Сеня Кучкин, который проживал в коммуналке на Сивцевом Вражке. В начале лета от Кучкина ушла жена, ему требовалось понимание, сочувствие и утешение. Возможно, незадачливый Сеня надеялся, что Царёв как-то повлияет на супругу, и та к нему вернётся. Дело в том, что Саня жену Кучкина, стройную и симпатичную, но иногороднюю Люсю Панченко, хорошо знал, поскольку раньше она жила в общежитии. Сам же Сеня был кряжистым, низкорослым и занудным холостяком далеко за тридцать годов, но зато с московской пропиской. Познакомила их однокурсница Сени, Галя Ковтун, которая жила вместе с Люсей и своим хлопцем Мыколой в одной комнате. Сеня мгновенно влюбился и зачастил в общежитие, а через месяц предложил руку, сердце и московскую прописку. Люся перебралась в Сенину двадцатиметровую комнату в коммуналке с общей кухней, туалетом, совмещённым с ванной, а также с тремя зловредными бабками по соседству. Чета Ковтунов устроилась там же, на Сивцевом Вражке, дворниками, заселившись в положенную им служебную квартиру на первом этаже. Вскоре, после получения заветного штампа в паспорте о прописке, Люся от Кучкина ушла к Ковтунам, и они опять

стали жить втроём, как и раньше. А у Сени поселился Царёв. Спал он во время краткого отдыха между рейсами на той же раскладушке, что и законная Сенина супруга, которая в течение двух месяцев почему-то так и не допустила его под разными предлогами к своему прекрасному телу.

Командир отряда, конечно, шишка важная, но не главная. В составе главный – начальник поезда. И бригада состоит не вся из студентов. В штабном, «мягком», «головном» и «хвостовом» вагонах едут кадровые проводники. Начальники поездов часто меняются. Бывает, что в первом рейсе едет один, а во втором уже другой. Царёв повидал здесь всяких. Попадались вполне даже приятные люди и толковые начальники, хорошо знающие свое дело. Но бывали и другие. Например, в прошлом году целых четыре рейса ездили под руководством одного товарища, очень равнодушного к мужикам. Вопреки распространённому мнению, что в Советском Союзе нет, и не может быть ни гомосексуализма, ни проституции. Натерпелись тогда парни. Некоторые прятались от любвеобильного начальника в других вагонах. Был один алкоголик. Его практически почти и не видели, он сидел в своем купе и беспробудно пил, а руководил составом проводник с «хвоста». Один рейс, еще в первом сезоне, ездили со свирепым мужиком, который носился по составу, как ошпаренный, никому не давал ни минуты покоя и, в конце концов, подрался с проводницей штабного вагона. Нанёс ей телесные повреждения средней тяжести и непопра-

вимый моральный ущерб. Запомнилась Царёву Валентина Ивановна Тимкина, ВальВанна, женщина лет сорока, приятная во всех отношениях. В Лодейном поле, где она проживала, к составу подходил ее муж, целовал у всех на виду, а затем передавал жене узелок с провизией, а также обязательной бутылочкой собственной настойки на рябине. ВальВанна вскоре после отправления приглашала Саню к себе в купе по «матюгальнику» – поездной радиотрансляции. Они распивали настойку и говорили «за жизнь». На Мурманском направлении её все знали, ревизоры и разные проверяющие никогда гадостей не делали. Проработали с ней полсезона. Как у Бога за пазухой, между прочим. В этом рейсе начальником поезда ехала Алина Омская, молодая, симпатичная и откровенно сексуальная женщина, которую на «железке» тоже знали. Мужики с придыханием рассказывали разные байки. Многие командиры СОПов мечтали поработать под её началом. А повезло Царёву. Еще в Москве на Ленинградском вокзале между ними будто искорка проскочила, возник пронзительно-неуловимый разряд родившейся симпатии. Саня, почти физически, почувствовал какое-то необъяснимое притяжение. Тем более, что их купе в штабном вагоне были рядом, а отделяла друг от друга всего-то тоненькая стенка. Вчера вечером уже после Беломорска, купив заранее в вагоне-ресторане бутылку шампанского и коробку конфет, он постучался в соседнюю дверь.

– Можно?

– Заходи, командир. О, да ты с обязательным набором, а где цветы?

– У Мироныча в ресторане не продают.

– Так мог бы и в Москве прикупить, – Алина улыбнулась и пригласила жестом сбитого с толку Царёва, – Присаживайся, будем пить шампанское и разговоры разговаривать.

– А потом танцы танцевать и в игры играть.

– Ну, если на это останется время.

Как в воду глядела. Времени даже на разговоры оказалось маловато. Они просто забыли о времени. Саня поразился: до чего же обманчивой бывает внешность! Ему казалось, что о женщинах он знает всё, ну, или почти всё. Например, считал, что в красивой голове много ума не наблюдается. Но эта кареглазая блондинка в форме начальника поезда легко доказала обратное. Она сразу уверенно взяла инициати-

ву в свои руки. Два-три вопроса и Саня, совершенно неожиданно для себя, как под гипнозом, вдруг взял и рассказал всё про свою не очень-то складную жизнь. И она слушала. Она умела слушать. Талант у людей, умеющих хорошо рассказывать, очень ценится. Талант у умеющих слушать, бесценен. Особенно у женщин. О себе она поведала довольно скупое. Живёт в Солнечногорске. Родителей давно нет. С 17 лет работает на железной дороге. Заочно окончила МИИТ. Была замужем. Недолго. Пару раз в купе заглядывала проводница штабного вагона Таня Берёзкина, передавала «бегунок»: сведения о наличии свободных мест, приносила чай, но её, кажется, и не заметили. Колёса отстукивали хорошо известную пассажирам всех континентов песню. За окном вагона стояла белая заполярная ночь, позволяющая различать незатейливо-простецкий пейзаж. Царёв давно уже привык к природному перевоплощению: чем дальше ехали на север, тем более низкорослые деревья и кустарники мелькали по ходу поезда. Те же, что и везде ели, сосны или берёзы здесь были с узкими кронами, кривыми стволами и казались игрушечными. По-видимому, из-за слишком короткого северного лета. Цветовая палитра тоже отличалась своеобразием. Присутствовало мало ярко-красных тонов, преобладали скромно-блёклые – белые, жёлтые, голубые, сиреневые.

Они сидели в сумраке купе рядом друг с другом и говорили, перескакивая с одной темы на другую, или молчали. И молчать тоже оказалось совершенно естественно и ком-

фортно. Ночь постепенно перетекла в утро. Незакатное в эти летние месяцы солнце висело над горизонтом, будто накупившись: опять работа, когда же отдых? Состав, замедляя движение, подходил к Мурманску.

Люди давно научились вышибать клин клином, и тот, кто придумал этот способ, безусловно, был не фраер, а затейник и большой молодец. А иначе, как вытолкнуть занозу из сердца, засевшую там беспардонно и основательно? Их история с Настей Сосновской, так красиво начавшаяся в незабываемом первом «картофельном» сентябре и длившаяся почти два года, вдруг неожиданно закончилась прошлым летом. Вернувшись после трёх непрерывных рейсов на отдых в общагу, Саня обнаружил в своей почтовой ячейке тоненький конверт с тетрадным листом внутри. На нём ровным Настиным почерком были написаны всего две строчки: «Я вышла замуж и уезжаю. Если сможешь, прости меня, Санечка». Ни больше, ни меньше. Царёв вначале подумал, что это шутка такая, розыгрыш. Когда он отправлялся в первый рейс, Настя сдавала ГОСы и никуда, тем более, замуж выходить не собиралась. Петрова, соседка по комнате сообщила, что Сосновская сразу после экзаменов наспех собрала вещи и отбыла в неизвестном направлении. При этом её сопровождал чернявый лейтенант явно кавказской национальности. Царёв от боли и горечи будто ослеп. В том месте, где жила любовь, образовалось гулкая пустота с острой занозой в самом центре. Считается, что дружба более долгосрочная

и стабильная, чем любовь. Во всяком случае, она гораздо реже предаёт. Царёву не повезло. Ему рано довелось испытать предательство дружбы, а теперь вот ещё и любви.

Оставаясь больше месяца в полном неведении, он встретил Настю однажды в неожиданном месте: у автовокзала в славном городе Мурманске, на улице Коминтерна. Был уже конец августа. До отправления их последнего в этом сезоне рейса оставалось около часа.

– Привет, – Сосновская, в отличие от Царёва несколько не удивилась, внешне казалась спокойной, как всегда, приветливой и немного ироничной.

– Ну, здравствуй, – Саня искал на её лице признаки сожаления или раскаяния, – я мог ожидать чего угодно, только не встречи с тобой в Мурманске.

– Здесь недалеко, в Печенгском районе, в посёлке Луостари служит мой муж, Тангик.

– Да откуда он взялся этот Тангик, с Луны свалился, что ли? Или, может быть, он всегда существовал где-то параллельно? – Царёва распирало изнутри от накопившейся обиды, горечи и ревности.

– Ниоткуда он не свалился. Мы с ним знакомы с детства, жили в одном доме. Он был влюблён в меня, а я любила Эдика, за которым и попёрлась потом из Пицунды в столицу. Этой весной Тангик разыскал меня в Москве, позвал замуж. И теперь я не Сосновская, а Ма-на-сян. Ведь ты, Царёв, меня никуда не звал, и как мне кажется, не собирался?

– Что же ты наделала, Настя? Ты любишь его? – Царёв не верил своим ушам.

– Наверно, – Настя ответила не сразу, как бы перепроверя себя.

– А я? Меня ты уже не любишь? Разве так бывает?

– Он – это он. А ты – это ты. В жизни получается не всегда так, как хочешь. Если не имеешь рядом с собой кого любить, люби, кого имеешь. Саня, я беременна и учусь радоваться тому, что есть.

На этом они и расстались. Царёв, с поднявшейся к самому горлу болью, пошел в состав. Его уже подали к платформе. А Настя на автобусе отправилась в свою, отдельную теперь от него, жизнь. В военный городок Луостари, спрятавшийся среди сопок и где полгода стоит полярная ночь. К своему мужу лейтенанту Тангику Манасяну, которого, Саня так и не понял, она сейчас любит, или только пытается полюбить. Какое-то время он думал о ней постоянно. Но жизнь продолжалась, и мысли о Насте постепенно вытеснялись повседневностью. Рана затягивалась. Сосновская отступала с переднего края, лишь иногда всплывали яркие картинки из прошлого и смутные видения то ли настоящего, то ли будущего. Представлялось, что Настя, живущая за полярным кругом, пусть изредка, но тоже о нём вспоминает. Мысль эта была приятна и грела душу безотчётно-опротечивой, но волнующей надеждой.

Спустя год, в начале этого сезона Царёв познакомился

с солдатиком, ехавшим в отпуск из части, расположенной в том самом посёлке Луостари. Оказалось, что он служит в роте под началом старшего лейтенанта Манасяна. Словоохотливый отпускник после стакана портвейна поведал Сане о своей службе, о «психопате» – командире, его красавице жене, в которую влюблены все без исключения офицеры и, само собой разумеется, солдаты.

– Ну, а она что? – как мог равнодушнее спросил Царёв.

– Кто, Настя? А что она, сначала беременная была, потом родила. Девочку. А этот козёл усатый ревнует её ко всем и время от времени мозги вправляет. Ходит Настёна по городку в тёмных очках, чтобы фингалы никто не видел.

Сердце крепко и плотно сжало, будто, рукавицей. Задышавшись от нахлынувшей ярости и бессилия, Царёв встал и, не попрощавшись с оторопевшим бойцом, направился в штабной вагон. Он закрылся в купе и просидел пару часов, неотрывно глядя в окно. Там зелёной лентой быстро перемещался лес. Эта сплошная полоса время от времени разрывалась на части, открывая большие прогалины. На них голубыми кляксами ютились озёра, соединённые узкой полоской реки. А вдалеке, на самом горизонте стояли, подпирая небо и о чём-то задумавшись, фиолетовые сопки. На берегах озёр лежали поросшие бархатным мхом валуны. Кое-де виднелись палатки. На одной из полян стояли, крепко обнявшись, парень и девчонка. Молодые, загорелые и, по всей вероятности, счастливые. В какой-то момент они обернулись к проносящемуся

мимо составу, энергично замахали руками и спустя мгновение исчезли.

После того рейса Царёв по прибытии в Мурманск, из состава не уходил. Здесь была его территория, город же, разбросанные вокруг него посёлки, территорией враждебного армянина Манасяна, который увёл чужую женщину и теперь пытается агрессией доказать истинность русской поговорки: «Бьёт – значит любит». А Настя, если до сих пор не сбежала от садиста, занизила самооценку и признала его право на побои. Ну, что же, каждому своё.

Спустя год летом в Москве и других городах СССР проходили Игры XXII Олимпиады. Вследствие обострившегося противостояния между государствами Варшавского договора и НАТО, которое было вызвано вводом советских войск в Афганистан, более 60 стран объявили бойкот играм. Хотя некоторые спортсмены из этих стран всё же приехали в Советский Союз и выступали под олимпийским флагом. 3 августа состоялось закрытие Олимпиады. Сто тысяч зрителей на стадионе в Лужниках, затаив дыхание, со слезами на глазах следили за полётом талисмана соревнований, добродушного медведя под мелодию песни Пахмутовой «До свиданья, Москва!»:

Не стал исключением и этот рейс. Выпив стакан горячего чая, Саня прилёг на полку, прочёл несколько страниц самиздатовской книжицы Войновича о необычайных приключе-

ниях солдата Ивана Чонкина и отключился. Впервые за всё время работы на железной дороге Царёву приснился сон. Обычно, когда удавалось немного поспать, он мгновенно проваливался в некую невесомость, где сновидениям не было места. В сегодняшнем сне прошлые и настоящие события его жизни, фантастически и причудливо переплетаясь, текли мимо, будто пейзаж за окном их поезда. И в этих совершенно нереальных хитросплетениях присутствовала абсолютно реальная Алина Омская, к которой он испытывал какую-то запредельную, восторженно-трепетную нежность.

Глава 4 Мурманск

Мишка Лысков запер двери изнутри, прошел по составу и выбрался на платформу из вагона дежурного проводника. Предосторожность совершенно не излишняя. Иначе могут и «обчистить» вагон в твое отсутствие. Причем, так сказать, свои же коллеги проводники из другого состава. Именно те, у кого что-либо спёрли раньше. Например, одеяло, подушку, матрац, занавеску, или, хотя бы, подстаканник. Поэтому на составе всегда дежурили по графику несколько человек.

Маршрут был приблизительно один и тот же. Сначала перекусить в столовке недалеко от вокзала. Затем нужно купить спиртное, сушеного морского окуня, а если повезёт, то и копчёного палтуса, а также еды в дорогу. В течение меся-

да Лысков покупал рыбные наборы, ассорти: килограмм хвостов, плавников и небольших кусочков разной рыбы в целлофановом пакете. Потом варил на печке в котельном отделении рыбный суп, добавив 2—3 картофелины и луковицу. Получается вкуснятина. Настоящая уха. Правда, с дровами вечная проблема. А ведь еще нужно и «титан» топить, чтобы всегда кипятилок был. Электрических же «титанов» в их допотопных вагонах отродясь не бывало. Прошлым рейсом Мишка за литр водки «достал» здесь у местных путейцев целый мешок драгоценного топлива – торфяных брикетов. Хотя экипировщики должны обеспечивать ими проводников бесплатно. Но такой щедрости тут не дождёшься. Ну, и фиг с ними. Теперь до конца сезона, если расходувать экономно, хватит. На печке можно и яичницу поджарить, а также отварить готовые пельмени по 62 копейки за пачку или картошку. Всё лучше, чем есть непонятно что в вагоне-ресторане.

Часа за два до отправления нужно возвращаться обратно на состав и хотя бы немного поспать. А куда тут пойдешь? Мурманск, конечно, город интересный, расположился себе на сопках, с сильным перепадом высоты, растянувшись вдоль залива почти на 20 километров. А в ширину – так себе, узковатый. За полчаса можно подняться от вокзала вверх до окраины. Центр состоит, в основном, из домов «сталинской» застройки, но в городе преобладают «хрущёвки», а в некоторых местах ютятся послевоенные одноэтажные и двухэтажные деревянные бараки.

Многие панельные дома разноцветные, в мозаике. Камни на улицах покрашены. Наверно так мурманчане компенсируют скудость цвета в зимнее время, которое длится здесь почти восемь месяцев. Вообще, город относительно молодой. Ещё живут и здравствуют современники его основания. Наверняка эти люди помнят, что назывался город тогда Романовым-на-Мурмане и был он последним городом, основанным в Российской империи. Тем более, не могут не помнить интервенции бывших союзников России в Первой мировой войне, ужасов гражданской войны и немецкой оккупации. По плотности бомбовых ударов Мурманск уступил лишь Сталинграду. И этим всё сказано. Еще в начале сезона, по прибытии в крупнейший мировой заполярный город забрались студенты на сопку Зеленый мыс к знаменитому Алёше: мемориальному комплексу «Защитникам Советского Заполярья в годы Великой отечественной войны». Отсюда весь город, залив и порт – как на ладони. А сам гранитный Алёша со своей сорокаметровой высоты смотрит куда-то вдаль, в сторону Норвегии. Члену НАТО, между прочим. Возможно, оттуда им, норвежцам, его хорошо видно в оптические прицелы. Ну и пусть смотрят. И может быть, он им кое-что напомнит. А то у всех этих членов память стала очень короткой.

Пару раз ходил Мишка в кино на дневной сеанс, но сразу засыпал. Еще ездили несколько раз к чёрту на кулички попить пива. Интересное дело. Едет и едет троллейбус по доро-

ге среди сопок, а вокруг – ничего нет, ни построек, ни людей. И вдруг – микрорайон, в котором среди современных домов расположилась неприметная, но очень уютная кафешка, а в ней пиво просто обалденное. Нигде раньше такого не пробовал. Пена держится долго и оседает «шапкой» на дно пустой кружки. А к пиву тебе на выбор: рыба, креветки, сосиски, бутерброды. Местные рассказывали, что воду для пивзавода, расположенного неподалёку, привозят из какого-то чудо озера. А качество пенного напитка от воды, прежде всего, и зависит. А может быть оттого, что пивоваренное хозяйство возглавляет женщина. Чудеса, да и только!

Перекусив в столовке, Лысков отправился в магазин за палтусом. Хвост очереди находился на улице. Впереди, почти посредине, стояли свои девчонки Маринка Неверова и Женя Калитина.

– Предупредили, что я с вами? – деловито поинтересовался Мишка у подружек.

– Он с нами, – не моргнув глазом, подтвердила Неверова.

– Бабуля, я отходил ненадолго. По нужде, – вдохновенно соврал Лысков недовольной старушке.

Где-то, спустя час купили по 5 килограммов сушеного морского окуня. На него спрос в Москве большой. Заказов всегда много. Палтуса сегодня в продаже не было. Как и в прошлый рейс. Сделав остальные покупки строго по списку, Мишка отправился в состав. На обратной дороге догнал заметно повеселевшего Вадика Стапфаева с сумкой

бутылок. Внутри поезда зашли тем же путём – через вагон дежурного. Мишка прилег на полку, блаженно вытянул ноги и мгновенно уснул.

Лёве Скорову Мурманск нравился. Накануне первого рейса он основательно покопался в справочной литературе и имел чёткое представление об истории города. Впрочем, Лёвка делал это всегда, отправляясь куда-либо из подмосковных Луховиц. Скоров бродил среди современных, построенных относительно недавно кирпичных и совершенно новых панельных домов, ходил в порт, забирался на Зелёный мыс, пытаясь представить жизнь древних норвежцев и норманнов, то есть, викингов, которых русские люди называли мурманами. Лёвка выяснил, что город начали строить позже, чем путейцы тянуть железную дорогу. Вся область лежала в арктической зоне, поэтому железнодорожникам приходилось работать в сложнейших условиях. Семь месяцев в году лежал снег. Профиль и план пути был, наверное, одним из самых сложных во всей системе железных дорог. Здесь кривизна составляет более семидесяти процентов. При этом кривые – это тебе не только повороты по горизонтали, но и вертикальные перепады. От последнего города, построенного в царской империи «начерно», для военных нужд, не осталось практически ничего. Тем не менее, в воображении возникал безрадостный пейзаж: пара улиц с одноэтажными домами, угрюмыми рабочими бараками, приспособленными под жильё железнодорожными ваго-

нами-теплушками. Затем, в годы первых пятилеток – бурное строительство предприятий, домов, береговой базы, флота. И всё впустую, коту под хвост. Всё сожрала, искромсала, перемолола в труху война. Лёва представлял себе уныло-трагическую картину: сплошные руины, среди которых торчат, как гнилые зубы во рту, всего несколько зданий. И вот красавец-город отстроен заново, особенно в последние двадцать лет.

Лёвка зашёл в столовую, без аппетита съел рассольник, котлету с рисом. За соседним столиком сидели три мужика. Соблюдая конспирацию, один из них откупорил под столом бутылку водки и разлил её в стаканы с отпитым наполовину компотом. Мужики чокнулись, опрокинули «коктейли», молча стали есть. Скоров судорожно сглотнул, в груди ёкнуло, набатно заколотилось и заныло сердце, лоб покрылся испариной, а во рту стало сухо. Дрожащей рукой он схватил стакан с компотом, выпил, не ощущая вкуса, и почти бегом направился к выходу. На улице, ведущей вниз к вокзалу, Лёвка столкнулся с девчонками Женей Калитиной и Маринкой Неверовой, тащившими тяжелые сумки.

– Лёва, ты чего это такой взъерошенный? – Неверова озадаченно смотрела на великовозрастного студента в «целинке», беспокойно озиравшегося по сторонам.

– Кто, я? Да нет, ничего, всё нормально, – Скоров с усилием осадил нарастающий изнутри мощный ЗОВ, – Давайте сумки, подсоблю.

Чеченец Ваха Берсанов в Мурманске, как и в Москве, чувствовал себя «не в своей тарелке». За три года, которые он прожил в столице, это чувство немного притупилось, но не исчезло. Ваха вырос в горном ауле недалеко от Урус-Мартана. Он впитал обычаи, традиции своего народа, и вместе с ним – совсем свежую обиду, связанную с его депортацией. Города с ускоренным темпом жизни, однообразием многоэтажек, скученностью вызывали настороженность и раздражение. Он тосковал по родному пейзажу: заснеженным горным вершинам, быстрым рекам, мечетям, сторожевым башням, укладу жизни своего тейпа. Правда, много средневековых башен и жилых домов-саклей было разрушено в процессе выселения чеченцев и ингушей в Среднюю Азию, когда целые аулы сравнивали с землёй. Конечно, Ваха этого помнить не мог – родился позже, уже после возвращения отца с матерью и родственников из ссылки. Но их рассказы о жестоком времени, о лишениях, вследствие необоснованных репрессий повергли ребёнка в ужас, не могли не оставить горький осадок в душе. Эта горечь усиливалась ещё и оттого, что здесь, на Карельском фронте, под Мурманском погиб его дед. Именно поэтому Ваха и записался в отряд проводников. Ему просто необходимо было попасть сюда, в этот суровый край, за тысячи километров от Чечни, где сражался и был похоронен в братской могиле Абдулвахид Берсанов. Позже останки из неё перезахоронили на мемориальном комплексе. Теперь каждый раз по при-

бытии в Мурманск, Ваха приходил сюда, на вершину Зелёного мыса. Он вглядывался туда же, куда смотрит гранитный «Алёша» – в Долину Славы. Там проходили наиболее ожесточённые бои, и немцы вплоть до окончания войны не смогли перейти границу СССР, родины братских народов. Которая чуть позже одному из них, древнейшему, гордому вайнахскому народу, так жестоко отплатила.

Несправедливость жгла изнутри, и Вахе иногда было трудно совладать с собой: тлеющая обида требовала какого-нибудь выхода. Выплеску энергии способствовали частые драки в общаге с местными, но те в последнее время присмирели и обходили общежитие стороной, испытав на себе дикий нрав чеченцев. В отряде Берсанов ни с кем не конфликтовал, но и ни с кем не водил дружбы. Более-менее сносные отношения сложились у него с Лёвкой Скоровым, напарником по работе, да с кадровыми проводниками Еремеевым и Крапивкиной. Скоров был старше, более начитанным и эрудированным. В нём чувствовалась какая-то внутренняя сила и в то же время – надлом, неудовлетворённость, что делало его не то, чтобы своим, но более близким, чем остальные. Крапивкина же вызывала некоторую симпатию из-за своей испепеляющей ненависти к похотливым, жадным, и в то же время глупым «тушканам» – пассажирам мужского пола. Поэтому он и согласился помогать ей с Еремеевым «этих козлов» мало-мало наказывать.

Алик Чефанов, впервые попав в Мурманск, невольно пы-

тался сравнивать его с Ашхабадом, в котором он родился и вырос. В других городах громадного Советского Союза, кроме Москвы он не бывал. Сравнить же столицу своей республики с Москвой было просто глупо: слишком разные масштабы. А мелкий городок Кушка, самая южная точка СССР, куда их в восьмом классе возили на экскурсию, тоже не в счёт. Общего, конечно же, было маловато. Разве что, оба города находятся близко к границе. Мурманск недалеко от Норвегии, Ашхабад – от Ирана. Потом, зелени много. Однотипные дома, построенные в Ашхабаде после кошмарного землетрясения 1948 года. Плакаты и лозунги на русском языке. Памятники Ленину. Пожалуй, на этом сходство и заканчивается. Ашхабад лежит в оазисе Ахал-теке на предгорной равнине, Мурманск – на сопках. Ближайшие к столице горы – Маркау (или просто Морковка) и Душак находятся в километрах тридцати. Если забраться на самую высокую точку Маркау с установленной там краснозвёздной пирамидой, то можно увидеть простирающиеся на многие километры окрестности. На востоке в дымке просматриваются новостройки и высокие здания города. На севере, за железной дорогой желтеют пески Каракумов. На юге виднеются домики и вершины деревьев Фирюзы, а за ней круто вверх поднимаются отроги гор Ирана. В Мурманске же с вершины Зелёного мыса вместо песков Каракумов видишь воду Кольского залива. Летом в Ашхабаде жарища далеко за сорок, а асфальт и земля раскаляются до семидесяти градусов.

Здесь же ночью и в утренние часы бьёт колотун, пробирая до костей.

Алик всматривался в раскинувшийся внизу город, но перед глазами вставали другие картинки: древние развалины Старой Нисы, улочки античного города, посадки миндаля, карагача, арчи, туркменского клёна, очертания курганов-городищ, зданий бывших мечетей и медресе, остатки усадеб баев и ханов. Прогнав видение и взглянув на часы, Чёфанов спустился с сопки вниз и направился к вокзалу.

Боря Рубинчик такой ерундой, как созерцание города, не занимался. Жалко было транжирить время, которое нужно потратить с максимальной выгодой. Боря везде и всегда умел находить полезных людей. А уж здесь, в Мурманске, таких было немало. Во-первых, моряки-загранщики торго-

вого флота. У них можно разжиться дефицитными шмотками, обувью, пластинками, аудио-техникой, видеокассетами. И самое главное, инвалютой – чеками Внешэкономбанка. А затем, применив ловкость рук, попасть в очаг избытия – «Лоботряс», то бишь, в магазин «Альбатрос» системы Торгмортранса. Во-вторых, иностранные моряки. Этих можно перехватить на «Тропе» и на «Болоте» – у проходной торгового порта. В третьих, дядьки с рыбокомбината и тётки из магазинов «Океан» и «Нептун» – поставщики икры, балыка и других рыбных деликатесов.

Сегодня Боря никуда не пошел. Ждал нужного человека на составе. Ровно в полдень объявился длинный патлатый парень в джинсах и «батнике» с двумя большими пакетами «ТоргМорТранс». В одном лежал японский двухкассетный магнитофон «Панасоник РХ-5090». Во втором – кожаный плащ монгольского производства. Рубинчик закрыл купе на ключ, осмотрел товар, долго щупал, охал, цокал языком.

– За всё – восемьсот, без торга, – объявил парень, упреждая возможные попытки Бори поторговаться.

Тот, закатывая глаза и вздыхая, полез во внутренний карман, достал стопочку купюр, ровно восемь сотенных. Деньги переключали в карман к Патлатому.

– Разорил ты меня совсем, – с горестным видом сказал Рубинчик, хотя оба знали, что спустя несколько дней Боря «наварит» вдвое больше, – боны есть?

Патлатый молча достал из другого кармана две чековые книжки на двадцать пять рублей каждая. Боря, также молча, с ловкостью фокусника протянул парню сто рублей.

Не тратил время на экскурсии по городу и Павло Клапиюк. Он вырос в глухом закарпатском селе, из которого почти все взрослые мужики уезжали на «заробитки» ранней весной и возвращались к зиме. Паша, приехав в Москву, понял одно: ехать домой после учёбы в столице никак нельзя. Вариантов получить московскую прописку было раз, два и обчёлся. Жениться, если повезёт, по любви, брак по расчёту, брак фиктивный. Но в любом случае нужны были гроши. Причём немалые. Поэтому и приходилось вкалывать. Бюджет свободного времени Павло делил на три части: уборка вагона, закупка необходимой провизии, отдых. Убирал вагон, включая туалеты, Клапиюк всегда сам, экономил деньги. Пусть другие транжирят, нанимают тёток, которые так и шныряют вокруг, сшибают рубли. Подумаешь, работа – сортир помыть. За рубль он и сам кому хочешь, помоеет. В город Павло вышел ненадолго. За час управился с покупками. Повезло сегодня, в продмаге удалось «перехватить» три банки растворимого кофе, правда, отечественного производства по шесть рублей за штуку. Пассажир очень уважает этот напиток. Навар с одной банки выходит приличный, до пятидесяти рублей. А бывает и больше, если продавать кофейный напиток из содержимого днепропетровских банок под видом индийского элитного кофе. Хитрость проста, как всё

гениальное. Нужно пересыпать кофейный порошок из светлой банки в жестяную пузатую каштанового цвета с красной надписью «indian instant coffee». А затем поставить её в службе на виду. Такой продукт – страшный дефицит, купить его в магазине просто не реально. Какой-то юморист сочинил по этому поводу:

Растворимый кофе
Привезли на базу.
Растворимый кофе
Растворился сразу.

Пустая банка досталась Клапиюку от пассажира, ехавшего у него в вагоне. Чтобы кофейный напиток пенился, как настоящий, нужно всего-то добавить в порошок сахара, перемешать, слегка увлажнить и растереть. Затем заливаешь в эту массу кипяток и получаешь «престижный импортный» кофе. За соответствующую цену, разумеется.

Полноценно отдохнуть не удалось. Разбудил стук с обратной стороны от перрона. Павло открыл дверь и увидел «заправилу» – заправщика воды, тащившего рукав к вагону.

– Ну что, командир, воду заливать, или как?

– Не понял, шо значит, заливать или как?

– А то, воду брать будешь? Трояк за тонну с вагона.

– З якого перепугу? Всегда бесплатно наливали.

– Было бесплатно, стало платно. Распоряжение начальни-

ка железной дороги. Ладно, давай рупь, сегодня последний раз по дешёвке наливаю, а то без воды поедешь, – «заправила» подсоединял головку шланга к вагону, с трудом сдерживая смех.

– Немае грошей. Вот е пятьдесят копийок.

– Ну, ты – крохобор, – водолив закрутил вентиль и отсоединил шланг, как только из контрольной трубы полилась вода, – Давай хоть полтинник, где наша не пропадала.

Заправщик, ухмыляясь, потащил шланг к вагону Калитиной. Ну вот, ещё одного балбеса лопоухого удалось развести. Клапюк, расстроенный от того, что пришлось понести непредвиденный расход, пошёл к себе в вагон. Хорошо хоть поторговался и сбил цену.

Второй заправщик, шедший с «хвоста», на двенадцатом вагоне «зеванул», бак переполнился, вода залила туалет с рабочей стороны и хлынула в коридор.

– Придурок! Ты мне весь вагон залил, – Лыткина приготовилась распять водолива – хлипкого мужичка в засаленной спецовке, – давай, перекрывай воду, скоро посадка, когда мне всё это мыть?

Мужичок метнулся к вентилю, беззлобно отбиваясь от разъярённой комиссарши:

– Ладно, ладно. Подумаешь, полведра воды перелилось. Зато клозет тебе обработал, считай, бесплатно.

Лысков проснулся чётко за полчаса до отправления. Сработал внутренний будильник. На платформе кучковались

пассажиры и провожающие. У вагона Лыткиной, толкаясь и галдя, стояла группа подростков, человек тридцать. Напротив девятого плацкартного сгрудилось не меньше полусотни крепких мужиков в гражданской, далеко не новой одежде и с рюкзаками. У края платформы возвышались несколько ящиков с водкой.

– Начинается посадка на пассажирский поезд номер триста сорок три сообщением Мурманск-Москва, нумерация вагонов с «головы» состава, – разнёсся над вокзалом, перроном, путями с многочисленными стрелочными переводами, приятный женский голос, усиленный громкоговорителями, и всё вокруг пришло в движение. Пассажиры засуетились, разбирая вещи. Проводники встали на свои места у открытых дверей, «вооружившись» флажками, началась посадка. К Вадику Стапфаеву подошёл высокий парень в спортивном костюме и большой картонной коробкой.

– Шеф, возьми посылку, будь другом.

– А куда её везти надо, где заберут?

– В Москве. Брат подойдёт.

– Ладно, давай.

Вадик взял коробку и еле удержал. Посылка оказалась довольно увесистой.

– Ни фиги себе, булжники там у тебя, что ли?

– Движок электрический, на пилораму, – парень достал из кармана «трояк» и протянул студенту, – спасибо, шеф.

Вдоль состава медленно шли, о чем-то беседуя, началь-

ник поезда Алина Омская и Саня Царёв. Было видно, что разговором они заняты больше, чем собственно целью этого обхода: проверить, согласно инструкции, готовность состава к отправлению в рейс. Задержались лишь на минуту у Мишкиного вагона.

– Лысков, у тебя полный комплект до самой Москвы. Спецконтингент везёшь, смотри в оба, – Алина кивнула в сторону толпы сосредоточенных мужиков.

– Не понял, какой ещё спецконтингент?

– То ли моряки, то ли рыболовы. А может быть, и то и другое одновременно. Из Москвы, скорее всего, за границу полетят. Парни эти непростые. С одной стороны, работы поменьше с ними, но пьют много, могут подраться, сломать чего-нибудь в вагоне, – терпеливо объяснила Омская Мишке.

«Водяры у них с собой, вроде, маловато», – прикинул Саня на глазок, сопоставив количество ящиков и толпящихся у вагона мужиков. Хватит не далее, чем до Медвежьей Горы. Значит, на спиртное спрос будет повышенным, побегут они по всему составу. Царёву уже приходилось иметь дело с «моряками» или «рыболовами», по крайней мере, так они себя называли. Куда ехали и где «рыбачили» эти парни, было непонятно.

Глава 5 Капитан Гусев

Куда направлялись «рыбаки» было понятно, кроме ограниченного круга лиц из соответствующих ведомств, старшему группы капитану Гусеву. Он предъявил Лыскову проездные документы и отдал команду на посадку. «Спецконтингент» повалил в вагон. Три года назад он сам вот в таком же кургузом костюме и старых кедах ехал с однокашником Гошкой Свечиным поездом в Москву. А затем они под видом «специалистов по сельскому хозяйству» оказались в далёкой Анголе, пополнив ряды «африканского спецназа». В мире идет «холодная» война, а там полыхает гражданская, самая что ни есть, «горячая». В последние годы Африка стала «яблоком раздора» между Западом и СССР. Ангола же рассматривается как плацдарм для наступления социализма по всему континенту. Поэтому командиремым туда спецам с са-

мого начала военного конфликта Генштабом был дан негласный карт-бланш на проведение боевых операций для поддержки МПЛА и воюющих там кубинских войск. Гусев знал, что, кроме живой силы: военных советников, офицеров, прапорщиков и рядовых, а также моряков, морпехов и боевых пловцов, военных и гражданских лётчиков, туда направляется оружие и спецсредства. Были откомандированы даже несколько военных кораблей. Но при этом плотная завеса секретности, подписка о неразглашении «государственной тайны», поскольку официально советские граждане в этом и других военных конфликтах, развязанных в Мозамбике, Эфиопии, Ливии, Египте, Йемене, не участвуют. Даже форму они носят кубинскую, «верде оливо», без знаков отличия и очень неудобную в условиях африканского климата. Но это мелочи. Главное неудобство состоит в том, что из-за супер секретности советской военной миссии, доказать, что ты участвовал в боевых действиях, был ранен или потерял здоровье вследствие тропических болезней, а, следовательно, имеешь право на льготы, очень сложно. Солдат и офицеров, исполняющих свой «интернациональный долг», как будто не существует. Им не дают орденов и медалей, об их подвигах не пишет в пресса. В военных билетах участников африканских войн, как правило, нет никаких записей о командировках на чёрный континент, а просто стоит неяркий штамп с номером части, за которым скрывается 10-е управление Генштаба СССР. Хотя в материальном плане

на государство грех обижаться. Командируемым в Африку добровольцам платят неплохо. Кроме оклада по последней должности, приплюсовывается 1000 рублей в месяц. Даже сержант срочной службы получает там, как командир дивизии на Родине.

Война эта, конечно, странноватая. Скорее, какой-то гибрид мира и войны, смахивающий на пикантно-авантюрное, но рискованное и опасное приключение. Спустя месяц после прибытия в город Куито, Гусев получил ранение в руку во время военного инцидента. Парашютисты армии ЮАР совершили нападение на лагерь партизан СВАПО, который предварительно был обстрелян реактивными снарядами. Тогда, кроме африканцев, погибли несколько десятков кубинцев и наших. Ещё больше оказалось раненых. Тяжело ранен был и Свечин, осколок попал в голову. Умер Гоша у него на руках. Сам Гусев сначала попал в кубинский госпиталь, а потом его переправили в Луанду, столицу Анголы. Взяв справку о ранении, зашел к начальнику отдела кадров советской миссии, чтобы зафиксировать этот факт и занести в личное дело. Однако раздраженный полковник решил иначе. На следующий день его отправили долечиваться на родину.

В то же время многие политработники, штабисты, кадровики и даже служащие военторга всеми правдами и неправдами стремятся попасть в Менонге, Куиту-Куанавале или другие районы, где идут военные действия. Хотя бы

на несколько часов, чтобы провести там партсобрание или устроить «разбор полётов», «дать разъяснение по финансовому обеспечению личного состава». За несколько таких командировок можно получить в «зачет» пару-тройку суток пребывания в зоне боёв. А этого вполне достаточно для оформления заветной зелёной книжицы «Свидетельство о льготах».

Под днищем вагона раздался сипловатый звук, машинист опробовал тормоза. Скрипнули отдохнувшие за несколько часов ходовые тележки. Незаметно, будто в полудрёме, вагон вздрогнул и плавно тронулся с места. По составу пробежала лёгкая дрожь. Зазевавшиеся пассажиры стали суматошно запрыгивать в открытые двери, в которых торчали жёлтые флажки проводников. Провожающие, наоборот, посыпались из вагонов на платформу. За окном медленно проплыли мимо и остались позади перрон с носильщиками и их тележками, граждане, проводившие в дальний путь родственников и друзей, перекинутая через пути громада моста, вокзал, сопка «Зелёный мыс» с гранитным Алёшей на вершине.

Вверху над окном ожил динамик, приятный женский голос возвестил о маршруте следования поезда, времени прибытия в Москву, о месте нахождения начальника состава и вагона-ресторана, графике его работы, о том, что обслуживает пассажиров студенческий отряд Московского государственного института культуры. Далее последовал призыв соблюдать в пути правила поведения и пожарной безопасно-

сти.

Мысли капитана от «чёрного континента» перетекли на другие «горячие» регионы мира: Юго-Восток Азии, Иран и Афганистан. Этот чёртов Пол Пот наворотил таких дел в социалистической Кампучии вместе со своими красными кхмерами и при поддержке Китая, что попахивает настоящим геноцидом в отношении своего народа. А ведь он, ни много, ни мало является там генеральный секретарём коммунистической партии. Недаром же у нас теперь в ходу народная присказка в сильно смягчённой редакции: «Я тебя замучаю, как Пол Пот Кампучию». Победивший американцев и сильно окрепший Вьетнам вмешался в эту «тухлую» историю, что привело к прямому столкновению с Китаем. Наши острословы тут же окрестили конфликт «первой социалистической войной». В армии циркулировали слухи, будто бы мы выступим на стороне Вьетнама и разгромим «китайских агрессоров» в войне на два фронта. Однако, вьетнамская армия, натренированная и закалённая за многие годы военных действий против американцев, справилась сама.

Неспокойно и на нашем юге. Хотя когда там было спокойно? В Иране свершилась исламская революция, которую «прошляпили» все разведки мира. Прозападного шахиншаха Реза Пехлеви победил богослов аятолла Хомейни, в результате чего была упразднена монархия, а Иран стал исламской республикой. Что-то серьёзное, похоже, затевается в Афганистане. Правда, монархию свергли там ещё шесть

лет назад. А недавно к власти пришли коммунисты НД-ПА и началась гражданская война. Оттуда уже полгода идут невнятные сообщения. Этот Хафизулла Амин, сразу видно, ненадёжный товарищ. В любой момент может перевернуться к американцам и нагадить. Нужно что-то делать. Хотя, конечно, не секрет, уже кое-что делается. Советские «спецы» помаленьку едут и проводят там нужную работу. Но что будет дальше, непонятно. Во всяком случае, наше дело маленькое: куда пошлют, туда и поедем. Такая работа.

Вскоре после отправления Лысков обнаружил, что у него нет воды. То ли забыли заправить бак в Мурманске, то ли что-то вышло из строя в системе. Чертыхнувшись, Мишка запер туалеты и отправился к старшему группы «рыбаков». Тщательно проверив проездные документы он, извиняясь, предупредил хмурого пассажира, что вагон по техническим причинам едет без воды.

– Наверно железнодорожники напортачили, придётся справлять нужду и умываться в других вагонах. А ещё, – Мишка замялся, – у меня нет белья. Совсем. В Москве мало загрузили.

– Ладно, студент, не мандражируй. Ерунда и мелочи жизни.

Нашёл, чем удивить. Главное, доехать до Москвы и доставить «рыбаков» до сборного пункта. Можно без воды и белья. Там, на «чёрном» континенте о белье вообще придётся забыть. Как впрочем, и о многом другом. Жить зачастую

приходится в землянках или палатках, приспособляясь к непривычному климату. Донимает жара, низкая или, наоборот, слишком высокая влажность. Вокруг просто кишат опасные насекомые и всяческие гады. С водой и электричеством проблемы, также как с нормальной жратвой и медицинской помощью.

Проводник невольно перенаправил мысли капитана в иное русло, как бы приземлил. Перед глазами возникла тесная малогабаритная квартира, в которой обитало многочисленное семейство. В одной комнатухе, чуть просторнее вот этого вагонного отсека, он сам с женой Иришкой и сыном Никитой, в другой – отец, инвалид войны с матерью и дедом Порфирием, строившим когда-то Беломорканал. Правда, рассказывать про это старик не очень любил. Но всё же кое-что поведал. О том, например, что основным материалом при строительстве были не дорогие металл и цемент, а всякие подручные средства. Камень, валуны, песок, дерево, торф из болот. Что рабочими инструментами являлись ломы, лопаты, кувалды, топоры, тачки на деревянных колёсах. Что выходила газета «Перековка», в которой чествовали передовиков, клеймили отстающих за низкую выработку, и даже печатали критические заметки самих заключённых. После завершения стройки многих «зэков», в число которых попал и дед, освободили досрочно. В квартире, конечно, тесновато вшестером, но всё же лучше, чем в старом дырявом и вечно сыром бараке, где они ютились до недавнего време-

ни. Вся семья на нём, а какая она, эта офицерская зарплата, со всеми надбавками едва набегают сто пятьдесят рублей. Плюс пенсии стариков. Вот и крутись, как хочешь. Когда предложили «командировку», долго не раздумывал. Мать и жена не очень обрадовались отъезду, хотя он и не посвящал никого в подробности из-за подписки о неразглашении. Наверное, почуяли что-то. Первая «ходка» быстро закончилась – почти не заметили отсутствия. О ранении пришлось соврать, мол, повредил руку на учениях. В этот раз, дай бог, всё будет более удачным. Правда, из головы не шёл Гоша Свечин, его предсмертный всхлип, тоска в глазах и взгляд, устремлённый в чужое небо. В Надвоицах у него мать осталась и жена. Так и не довелось познакомиться с ней. На свадьбу приехать не смог, да и после всё было как-то недосуг. Человек в погонах сам себе не хозяин. Гошка говорил, вроде, жена беременная была, когда он уезжал. Эх, Гоша, Гоша...

Поезд бодро бежал на юг, отстукивая колёсами железнодорожную «морзянку». «Спецконтингент», разместившись на своих местах, активно и деловито приступил к опустошению содержимого ящиков. В вагоне воцарилась атмосфера непринуждённости, добродушия и шумного веселья. Пахло спиртным и домашней едой.

В отсеке вместе с Гусевым находились сержанты Корякин, Иваненко и Хорев. Капитан чувствовал, что его подчинённых распирает любопытство: как оно там, в Африке, что ждёт их на чёрном континенте, и ещё о многом хоте-

лось бы расспросить сопровождающего их бывалого офицера. Но нельзя. По легенде они обычные рыбаки, едут сменив своих товарищей, занимающихся промысловым отловом тунца в Атлантическом океане у западного побережья Африки. Поэтому и говорить можно только о тунце, а лучше вообще ни о чём таком не говорить. Просто травить анекдоты, да пить водку. Сержант Хорев после очередного тоста, закусив огурцом и жестикулируя, принялся рассказывать новый анекдот:

– Вернулся ротный домой, раздевается в прихожей и видит, как его четырёхлетняя дочка воспитывает щенка. Тот порвал её любимую мягкую игрушку – рыжего кота. На полу валяются ошмётки ваты, оторванные уши и лапы. Щенок сидит в углу, вжался в стену и смотрит жалобными глазами. А дочка, тыча ему в нос пальцем, строго говорит: «Запомни, ты – говно!!! И только Советская Армия может сделать из тебя человека!».

– За нашу непобедимую Советскую Армию! – Сержант Иваненко поднял свой стакан.

– А вот ещё один, – принял эстафету сержант Корякин, занюхивая водку кусочком хлеба, – поймал дед золотую рыбку и запикивает её в ведро с водой. Та взмолилась и говорит старику: «Отпусти меня дед, я любое твоё желание сейчас же исполню». Тот задумался, прикидывая, что бы ему такого попросить. Потом говорит: «Хочу быть Героем Советского Союза. Чтобы вот здесь, на пинжаке висела Золотая Звезда».

Рыбка хвостом махнула, и остался дед на берегу один против пяти танков с гранатой в руке.

– И шо, подорвал?

– А то. Все пять. Одной гранатой.

Младший сержант Иваненко согнулся пополам от смеха, затем приподнялся и бросил на стол недоеденную курячую ногу.

– Пойду, мужики, прогуляюсь до сортира, руки сполосну, а заодно и шею помою, а то жара в вагоне, как в парилке, – сержант расстегнул нижнюю пуговицу на рубахе.

– В нашем вагоне воды нет, иди к соседям, – напутствовал сержант Хорев, – Хотя, Иваненко, подожди. Вот свежий анекдот в тему.

– Как-то свела судьба хохла из Херсона и чукчу в Москве на съезде передовиков сельского хозяйства. Поселили их в одном номере гостиницы «Россия». От чукчи воняет, терпеть невозможно, хоть застрелись. Хохол терпел сначала, потом не выдержал и говорит:

– Чукча, сходи в душ, помойся.

– Ни-и-и. Нильзя, горе будет...

– Не понял...

– Первый раз помылся – война началась. Горе, однако! Второй раз помылся – Сталина похоронили. Совсем горе!

Ну, в конце концов, хохол уговорил его пойти в душ. Через минуту слышит – чукча запел. Хохол спрашивает под дверью:

– Эй, что там у тебя?

– Радость большая! Рубашка нашёлся!

– Где?!

– Под фуфайкой был, однако.

Иваненко, смеясь, замахнулся на рассказчика и вразвалку отправился в соседний вагон.

По проходу мимо оглушительно ржущих «рыбаков» в сторону «хвоста» проследовали ЛНП Алиса и командир СО-Па Царёв. Первый дежурный обход после отправления состава. Нужно проверить работу проводников, санитарное и техническое состояние вагонов, везде ли залиты баки с водой, принять, если таковые имеются, жалобы пассажиров. Взять на карандаш замеченные неисправности. Что-то можно затем исправить своими силами, что-то с помощью слесарей на крупных станциях в пути. Глядя на крепко сбитых парней, пышущих здоровьем, какой-то особенной лихостью и бесшабашностью, Царёву вдруг подумалось, что они такие же рыбаки, как его крупнотелая бабушка – балерина Большого театра, а дедушка – Генеральный секретарь ООН.

– Алина Сергеевна, у меня воды нет. Наверное, пропустили мой вагон в Мурманске на заправке, – озадаченно сообщил Лысков Омской.

– Надо смотреть в оба, когда «заправила» работают, – Алина черкнула в блокноте, – с них взятки гладки, а для нас – катастрофа. В одном вагоне перельют баки, в другом вообще забудут залить. Ну, ничего не поделаешь, теперь вы-

кручивайся как-нибудь до Кеми. Там заправят. Но ты держи на контроле, чтобы чего-нибудь не перепутали. Как-никак в четыре утра туда прибываем.

Из соседнего вагона вернулся Иваненко, тщательно вытирая руки носовым платком. Хорев, хитро глядя на довольного сержанта, тут же подал ему наполненный стакан.

– Держи, Лёха. Я вспомнил ещё один анекдот. Тоже в тему. В одной коммунальной квартире кто-то все время мазал стены сортира дерьмом. Жильцы долго пытались выследить злодея, но он никак не попадался. И они, в конце концов, набили морду профессору МГУ, занимавшему целых две комнаты, потому что только он, выходя из сортира, мыл руки.

– Хорь, ты на что намекаешь? Я тоже могу кое-кому кое-что намылить.

– Ладно, ладно. Мужики, выпьем же за безвинно пострадавшего профессора, а заодно и сержанта Иваненко, на котором мать-природа малость сэкономила, недодала чувства юмора.

Лысков понаблюдал за сигнализацией на щитке, обошёл вагон, заглянул в тамбуры и туалеты. Открыл краник над раковиной: вдруг произошло чудо и вода обнаружится. Чуда не случилось. Сходил за водой в соседний вагон к Стапфаву, помыл пол в туалете и «служебке». Третий проводник в их связке Лёха Чумаченко улёгся поспать перед ночным дежурством. Мишка, удостоверившись, что всё идёт своим чередом, заварил себе чаю и сел перекусить. В монотонный

перестук колес, в скрип переборок, громкие возгласы «рыбаков» вкрадывалось назойливое треньканье стаканов. Лысков открывал в шкафчик, раздвигал посуду, но спустя некоторое время стаканы снова упрямо сдвигались, нудно звеня и раздражая слух. Заглянул в расписание, минут через сорок должны прибыть в Кандалакшу, там стоянка двадцать минут. Можно пройтись по платформе, размяться и подышать свежим воздухом. Как-никак, Белое море почти рядом.

Глава 6 Вадик Стапфаев

В Оленегорске стояли 15 минут. Вполне достаточно, чтобы выйти из вагона и немного размяться. Однако, кроме проводников, почти никто на платформу не вышел. Оно и понятно, чего там разминаться, от Мурманска – всего-то пару часов в пути. Оленегорск городишко небольшой. Вырос из рабочего посёлка Оленья и насчитывает три десятка лет от основания. Находится в самом центре Кольского полуострова, на берегу Пермусозера. Ни оленей, ни оленеводов здесь никогда не водилось, зато имеется много шахт, где добывают железную руду. Станция появилась намного раньше, ещё во время строительства железной дороги и находится за чертой городка. Дома двухэтажные, аккуратные, с треугольными крышами. Кто-то придумал выкрасить их под цвет клюк-

вы, морошки, черники, и других ягод. Смотрятся они, между прочим, довольно необычно и уютно, оттеняя скудноватый заполярный пейзаж.

Вдоль состава у своих вагонов торчали студенты в зелёных «целинках» – форменных куртках.

Немногочисленные пассажиры загрузились, привокзальная площадь опустела. Кое-кто из проводников прошвырнулся к кассам, вдруг удаётся перехватить «зайчишку». Но желающих ехать не нашлось, билеты в наличии имелись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.